Пензева Е. П.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИМПЕРФЕКТА В РЕЧЕВОЙ ТАКТИКЕ УПРЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/49.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 130-133. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

тическое семейство Малуевых в повести «Наденька» (1853) выписывает из Парижа гувернантку Луизу Карловну. Вставная история о француженке, которая не получила плату за свои труды и сменила множество хозяев, с коими не могла сойтись, демонстрирует особое отношение к гувернанткам. Они воспринимаются не как учителя, а как прислуга.

Типаж «гувернёр (гувернантка)», хотя и присутствует в беллетристических повестях, почти не обладает никакими собственными отличительными характеристиками. Часто это лишь собирательный образ некоего воспитателя-иностранца, которого держат в семье не ради образования детей, а больше следуя общественной моде.

В 20-40-х годах XIX века в России уже появляются русские учителя. Это, прежде всего, студенты или бедные молодые люди, оставшиеся без средств к существованию. Молодой учитель всегда находится в центре повествования, а сюжет произведения строится на любовной коллизии. Такой тип сюжета тиражируется в русской беллетристике после издания сентиментального романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». В Германии ярким примером может служить пьеса Я. М. Р. Ленца «Домашний учитель» (1774), показывающая любовь молодого учителя и девушки-дворянки.

Так, в основе повести Ю. В. Жадовской «Простой случай» (1847), а позже и в ее романе «В стороне от большого света» (1857) - повествование о несчастной любви бедного молодого учителя к своей ученице. В обоих произведениях родственники героини не дают согласие на брак. Повесть заканчивается трагически. В романе, написанном через десять лет после повести, брак героев оказывается возможным лишь после разорения героини. Любовь героев в повести М. С. Жуковой «Мои курские знакомцы» (1838) настолько сильна, что после внезапной смерти учителя и возлюбленного молодая героиня остается старой девой в знак верности своей любви.

В отличие от гувернёра, играющего в сюжете повести второстепенную роль, молодой русский учитель всегда становится главным героем повествования.

Помимо домашних учителей, занимающихся с детьми какой-то одной семьи и живущих с ними, в беллетристике иногда упоминаются гимназические учителя. Например, в повести Д-и В-ской «Самопожертвование» (1837) описана классная дама Смольного Монастыря, принимающая живое участие в судьбе своей любимицы: *«… если судьба приведет тебя ко мне, я встречу тебя с такою же радостью, с каким огорчением теперь провожаю»* [Д-я В-ская 1837: 101]. Следует отметить, что в тексте повести классная дама больше не упоминается. Автор использует этот образ единожды для описания жизненных контрастов, выпавших на долю «бедной» Лизы.

Итак, типаж «учитель» в русской женской беллетристике включает несколько разновидностей: «учитель-немец», «гувернёр», «молодой человек», «гимназический учитель». Типаж «учитель-немец» является самым распространенным. Типаж «гимназический учитель» появляется лишь в 40-50-е годы XIX века и связан с изменениями системы Российского образования. Начиная с 60-70-х годов XIX века такой тип героя является одним из самых распространенных типажей в русской литературе.

Список использованной литературы

1. **Ган Е. А.** Напрасный дар // Сердца чуткого прозреньем… / Сост., авт. вступ. статьи и примеч. Н. И. Якушина. - М.: Сов. Россия, 1991. - С. 109-171.
2. **Д-я В-ская.** Самопожертвование. Быль // Библиотека для чтения. - СПб., 1837. - Т. 22. - С. 97-118.
3. **Жукова М. С.** Дача на Петергофской дороге // Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Ученова. - М.: Современник, 1986. - С. 246-322.
4. **Жукова М. С.** Медальон // Жукова М. С. Вечера на Карповке / Сост. и примеч. Р. И. Иезуитовой. - М.: Сов. Россия, 1986. - С. 75-109.
5. **Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М.** Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х - начало 1840-х годов) // Новое литературное обозрение. - 1998. - № 34. - С. 37-54.
6. **Соллогуб В. А.** История двух калош // Русская романтическая повесть / Сост., вступ. ст. и примеч. В. И. Сахарова. - М.: Сов. Россия, 1980. - С. 555-596.
7. **Скалон С. В.** Воспоминания // Записки русских женщин XVIII - первой половины XIX века. - М.: Современник, 1990. - С. 281-388.
8. **Пушкин А. С.** Державин // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. - М.: «Правда», 1981. - Т. IX. - С. 47.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИМПЕРФЕКТА В РЕЧЕВОЙ ТАКТИКЕ УПРЕКА

Пензева Е. П.
Иркутский государственный технический университет

Исследования грамматической формы имперфекта и проблема трактовки его семантики привлекали и продолжают привлекать внимание как зарубежных, так и отечественных лингвистов [Roca Pons 1976; Bello 1978; Фирсова 1984; Васильева-Шведе 1990; Gutiérrez Araus 1998] и другие. Имперфект представляет собой сложную для анализа временную форму ввиду многообразия его употреблений. Выдвигались различные теории, стремившиеся определить единое значение этой формы. Не вызывает сомнения тот факт, что все

предыдущие исследования данной грамматической формы имеют лингвистическую ценность, которую необходимо учитывать при дальнейшем научном поиске.

Язык, представляя собой явление объективное, существующее как некоторая система, сложившаяся исторически, действующая по определённым внутренним законам, вместе с тем реализует главное назначение - служить целям общения. Облекая мысли в языковую форму, человек преследует в основном три цели: информировать собеседника (слушателя) о том или ином факте реальной действительности; выразить отношение к этой информации, то есть дать ей оценку; оказать на человека, воспринимающего его речь, определённое воздействие.

Функция воздействия дискурса на адресата осуществляется различными лингвистическими средствами. Особая роль в достижении перлокутивного эффекта, безусловно, принадлежит глаголу, который издавна считается центром предложения, его динамической основой, двигателем стратегической линии дискурса [Гумбольдт 1984: 34; Чарыкова 2000: 101].

В связи с учётом человеческого фактора в лингвистике на употребление имперфекта в высказывании оказывает влияние активное участие адресанта. Его дискурс является формой действия, так как говорить уже означает воздействовать на другого (и на самого себя), на его концептуальную систему, психическую сущность. С этих позиций имперфект, на наш взгляд, следует рассматривать не только как лингвистическое средство выражения времени и вида, но и как средство выражения коммуникативного намерения говорящего, как «субстанцию, отражающую связь между говорящим и слушающим» [Charaudeau 1982: 165].

Современные лингвистические исследования уделяют внимание изучению всего комплекса фактов (условий), управляющих коммуникативным процессом и определяющих процесс реализации того или иного высказывания. Большое значение в последнее время при этом придаётся речевым тактикам, которые являются средством достижения стратегических целей. Рассмотрим роль имперфекта в одной из тактик, а именно в упреке.

Упрёк является самостоятельной тактикой, в которой адресант косвенно (имплицитно) выражает отрицательную оценку поступка, поведения адресата, намереваясь оказать эмоциональное воздействие на адресата с целью приведения межличностных отношений в состояние, которое отвечало бы интересам упрекающего [Давыдова 2003: 10]. В своей основной функции упрёк используется для того, чтобы вызвать стыд, раскаяние адресата [Иссерс 2003: 152]. При кооперативном общении, если человек признаёт свою вину, он обычно реагирует на это либо извинением, сопровождающимся мимикой (стыдливо опустить глаза вниз) или жестами (пожать плечами или развести руками), либо пытается оправдать (объяснить) своё поведение (поступок). И то и другое мы можем наблюдать в следующем примере, где языковым средством, маркирующим упрёк, является грамматическая форма имперфекта:

(1) P - padre; H - hijo.
... mi Señor Padre reclinado en una tumbona bajo el
toldo de la terraza, leyendo el periódico tras las gafas
de cerca y asistido de un vaso de bíter sin alcohol.
P - ¡Hombre!, *pensaba* que *ibas* a llegar antes de
la una.
Me escogí de hombros mientras me inclinaba a darle
los dos dedos de costumbre.
H - Ya que mi horario nunca es exactamente el mismo
que el de la península (Tusset: 44).

Пример (1) иллюстрирует тактику упрёка, содержащую две формы имперфекта (pensaba, íbas). Первая из них (pensaba) выражает деятельность в прошлом и служит «претериальным временным центром», вторая же (íbas) выражает будущее действие, вступая для этого в синонимические связи с простым кондиционалом (простой формой на -ría) (будущее в прошедшем). Необходимо подчеркнуть, что последняя форма, являющаяся эквивалентом простого кондиционала, «выражена конструкцией глагола ir a + инфинитив (эта перифраза передаёт как значение близкого будущего, так и будущего вообще) и встречается довольно часто» [Фирсова 1984: 136] в Экспозитивном способе организации дискурса современного испанского языка. Данная тактика выражает неоправданное ожидание отца по отношению к сыну, который приехал на семейный праздник позже назначенного часа. Представляется, что именно первая форма имперфекта (pensaba) задаёт в данной ситуации тон укора. Имперфект придаёт рассматриваемому высказыванию большую силу (в нём реализуются тактические приёмы - контроль над инициативой и формирование эмоционального настроя), которая эффективно воздействует на адресата. Цель отца - заставить сына почувствовать себя виноватым. Данный тактический приём имеет поучительный характер, чтобы сын в будущем постарался не опаздывать. Реакция сына (перлокутивный эффект) подтверждает достижение цели адресата.

В большинстве случаев тактика упрёка, содержащая имперфект, реализуется в стратегической линии, преследующей другую «глобальную цель», являясь, таким образом, подчинённой стратегической линии волеизъявления.

Рассмотрим пример:

(2) (en el terraza) M - Mercédes; F - Federico.
Alguien les había cerrado desde dentro.
M - Oye, no se abre, nos han dejado aquí - dijo

Mercedes apurada - ¿Por qué entramos, tú? No
se abre.
F - Bueno, pues aquí quietecitos. No pasa nada. ¿Tan
mal estás conmigo?
M - No, oye, que debe ser muy tarde. No te vuelvas a
sentar, hombre. Mira a ver si puedes abrir. Ven.
F - Ya saldrá alguien - dijo Federico - y entonces
entramos nosotros. Anda, siéntate aquí, mira, en
el tiesto. Y yo en el suelo.
M - Por Dios no, haz algo, hombre, que horror. Si ya te
decía yo que no salir, si no sé para qué hemos
salido. Voy a ver la otra puerta.
Estaba cerrada también... (Gaite 2: 171-172).

В данном примере имперфект употребляется в высказывании, реализующем тактику упрёка в стратегии волеизъявления. Рассматриваемая тактика преследует цель сделать более эффективным побуждение молодого человека к определённым действиям в интересах адресанта: девушка пытается уговорить молодого человека сделать что-нибудь, чтобы им открыли дверь. Данная «отрицательная модель» [Иссерс 2003] упрёка, содержащая имперфект, является косвенной реализацией речевой тактики убеждения. Проанализированный пример подтверждает то, что речевые тактики могут использоваться в рамках разных стратегий.

Рассмотрим другой пример:

(3) P - Pablo; F - Fina.
F - Será... En cuanto cuelge no te vuelvo a hablar en
mi vida. Así que me dejas plantada por la primera
garrona amater que se te cruza en el camino, ¿no?
P - Chica, así son las cosas...
F - Y una leche: me hiciste una promesa, ¿no te
acuerdas? Me prometiste que *si* alguna vez *te*
enamorabas de alguien sería de mí.
P - No seas ridícula, Fina: ¿qué clase de promesa es
esa?
F - Una de las tuyas, ya lo ves... (Tusset: 358).

В примере (3) имперфект (te enamorabas) используется в дискурсе, реализующем тактику упрёка, входящей в общую стратегию эмоционально-оценочного воздействия. Мотивом для применения данной стратегии ведущим (замужней женщиной) послужила «измена» её любовника с другой женщиной. Цель рассматриваемой стратегии и цель тактики - вызвать чувство вины и раскаяния у адресата. Таким образом, цель тактики совпадает со стратегической целью, следовательно, данная тактика является основной в стратегической линии ведущего, а имперфект - одним из языковых средств, маркирующих тактику упрёка. Имперфект в рассматриваемой тактике употребляется в протазисе (зависимой части) условного периода (причём в придаточном предложении) и обозначает действие будущее (в прошедшем). Данная тактика, выражая «глобальную цель» рассматриваемой стратегической линии ведущего, является доказательством того, что тактики, образующие стратегию эмоционально-оценочного воздействия, используются не только как подчинённые в стратегии волеизъявления, что происходит в большинстве случаев, но и как основные.

Использование в речи тактики упрёка является выражением субъективной оценки, содержащейся в перформативном прочтении. Например, при упреке коммуникативный контакт не заканчивается передачей информации в сообщении, так как данная тактика функционально предназначена для создания речевых предпосылок формирования суждения об упреке, реферируемом в постречевом распознавании и представленном в виде вывода из всего речевого высказывания как прагматического целого.

Таким образом, с точки зрения прагматического воздействия знака на поведение человека имперфект может использоваться для распознавания намерений адресанта, и служить индикатором, по которому мы можем судить о тактических задачах адресанта.

Список использованной литературы

1. **Васильева-Шведе, О. К.** Испанский язык: теоретическая грамматика. Морфология и синтаксис частей речи [Текст]: Учеб. для ун-тов, ин-тов и фак. иностр. яз. / О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов. - М.: Высшая школа, 1990. - 301 с.
2. **Гумбольдт, фон В.** Избранные труды по языкознанию [Текст] / Вильгельм фон Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1984. - 397 с.
3. **Давыдова, Т. А.** Речевой акт упрёка в английском языке [Текст]: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. А. Давыдова. - Иркутск, 2003. - 161 с.
4. **Иссерс, О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 284 с.
5. **Фирсова, Н. М.** Грамматическая стилистика современного испанского языка. Имя существительное. Глагол [Текст] / Н. М. Фирсова. - М.: Высшая школа, 1984. - 272 с.

6. **Чарыкова, О. Н.** Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте [Текст] / О. Н. Чарыкова. - Воронеж: Истоки, 2000. - 193 с.
7. **Bello, A.** Gramática de la lengua castellana [Text] / A. Bello, R. Cuervo. - La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1978. - 546 p.
8. **Charaudeau, P.** Grammaire du sens et de l'expresion [Text] / P. Charaudeau. - P.: Hachette, 1992. - 927 p.
9. **Gutiérrez Araus, M. L.** Sistema y discurso en las formas verbales del pasado [Text] / M. L. Gutiérrez Araus // Revista española de Linguística. - 1998. - № 2. - P. 275-300.
10. **Roca Pons, J.** Introducción a la gramática [Text] / J. Roca Pons. - Barcelona: Teide, 1976. - Tomo II. - 239 p.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Перехода Е. И.
Ставропольский государственный университет

В последнее время внимание языковедов привлекают тончайшие оттенки стилистического значения языковых единиц различных уровней, в том числе и синтаксиса. Как отмечают многие современные лингвисты, синтаксис обладает широким стилистическим потенциалом, что обусловлено его тесной связью с мышлением, так как конструируя свою речь, говорящий в первую очередь обращается к правилам синтаксиса. Таким образом, существует непосредственная связь «между структурой предложения как единицы языка и структурой логического суждения как основной формы мышления» [Бархударов 2008: 188]. Стилистический эффект, создаваемый при помощи единиц этого языкового уровня, основан на существовании синонимии различных типов синтаксических конструкций, одна из которых нейтральна, так как обладает традиционными синтаксическими связями, а остальные характеризуются их переосмыслением, и, следовательно, получают стилистическое значение [Арнольд 1981: 160]. Сравним, например, следующее синонимичные пары побудительных предложений: Come here, please! - Here please!; Wait a moment - Just a moment.

Синтаксические конструкции, обладающие экспрессивной коннотацией, называют фигурами речи. Это такие конструкции, в которых наблюдается необычное размещение элементов, нарушение замкнутости предложения, пропуск логически необходимых элементов или добавление избыточных. И, наконец, синтаксическая конструкция может быть подвергнута переосмыслению, или транспозиции. Рамки статьи не позволяют рассмотреть все виды фигур речи, поэтому мы рассмотрим только стилистические возможности порядка слов в английском предложении.

В английском языке порядок слов в предложении играет большую роль в семантическом плане, чем в русском или в любом другом флективном языке. А. Ф. Смирницкий выделил три функции порядка слов в английском предложении: 1) грамматическая функция, которая состоит в том, что порядок слов служит для выражения определенных синтаксических отношений; 2) выражение порядком слов лексического подлежащего и лексического сказуемого; 3) экспрессивно-стилистическая функция [Смирницкий 1957: 62]. В речи порядок слов может выполнять несколько функций одновременно, но обязательно одна из них будет главной. Из-за аналитического характера языка порядок слов в английском предложении несет большую грамматическую нагрузку. Это приводит к тому, что возможности использования порядка слов для создания стилистического эффекта весьма ограничены. Так, если в языках флективного типа можно довольно свободно переставлять слова в предложении для придания речи экспрессивности, то в английском языке часто этого нельзя сделать, не нарушив синтаксических связей между словами и не изменив смысл. Довольно редкое использование делает этот стилистический приём ещё более стилистически значимым.

В начале, следует определить, что мы будем понимать под термином инверсия в нашей статье. Существует несколько взглядов на это понятие. А. Ф. Смирницкий под инверсией понимал обратный порядок слов в предложении, это те случаи, когда сказуемое предшествует подлежащему [Смирницкий 1957: 70]. Однако, не каждый обратный порядок слов является стилистически маркированным. Так в предложении *Is he a teacher?* такое расположение сказуемого несет только грамматическую информацию и является признаком общего вопроса. Особым случаем обратного порядка слов можно считать предложение с конструкцией There is / are. Формально в таких предложениях сказуемое предшествует подлежащему, но в тоже время, эти конструкции являются узуальными и не обладают стилистической окраской. Мы же рассматриваем инверсию как стилистический прием, и под этим термином мы будем понимать такое нарушение обычного расположения членов предложения, слов и словосочетаний, в результате которого «перестановочный» элемент предложения оказывается выделенным и привлекает к себе внимание [Ахманова 2007: 176].

По взаимному расположению подлежащего и сказуемого можно выделить два типа инверсии: полную и частичную. При полной инверсии сказуемое предшествует подлежащему. На первом месте в предложении, в так называемой эмфатической позиции, может стоять дополнение, обстоятельство, выраженное наречием, или часть сказуемого, выраженная приглагольным наречием. Например:

Away <u>run the merry children</u>.

Never <u>have I</u> seen such a thing!

From this house <u>came the Crime</u>. Inside the house, now, <u>was the Criminal</u> (D. Bischoff. "Hackers").